

Мера пресечения в виде наблюдения командования воинской части: некоторые размышления о проблемах реализации и законодательной регламентации

М. О. Румянцева

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова;

доцент кафедры гражданского права Российской таможенной академии.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36;

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», 140015, Люберцы, Комсомольский пр-т, 4.
E-mail: rumyantseva.mo@rea.ru

A Preventive Measure in the Form of Supervision by the Command of a Military Unit: Some Reflections on the Problems of Implementation and Legislative Regulation

M. O. Rumyantseva

PhD, Associate Professor, Associate Professor

of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE;

Associate Professor of the Department of Civil Law of Russian Customs Academy.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,

36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation;

Russian Customs Academy,

4 Komsomolsky Avenue, Lyubertsy, 140015, Russian Federation.

E-mail: rumyantseva.mo@rea.ru

Аннотация

В рамках данной статьи автор ставит ребром вопрос о необходимости дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального и смежного законодательства в части, касающейся порядка избрания и реализации меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части. Автор, анализируя факты, указанные в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, обнаруживает ложный отсыл законодателя к воинским Уставам, которые в действительности не содержат искомых норм. По мнению автора, наличествующее в настоящее время отсутствие законодательной регламентации порядка избрания и реализации рассматриваемой меры пресечения не позволяет в полной мере говорить о ее действительной эффективности. Подобный вывод автор подтверждает практическими материалами исследования: результатами анкетирования и интервьюирования военных следователей и военных прокуроров, а также материалами судебной и следственной практики. Вступая в полемику с учеными-процессуалистами, автор формулирует собственное видение законодательной регламентации порядка избрания, исполнения и отбывания рассматриваемой меры пресечения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, избрание меры пресечения, реализация меры пресечения, реализация наблюдения командования воинской части.

Abstract

Within the framework of this article, the author raises the question of the need for further improvement of the criminal procedure and related legislation in terms of the procedure for electing and implementing a preventive measure in the form of supervision by the command of a military unit. The author, analyzing the acts specified in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, discovers a false reference by the legislator to military regulations, which in fact do not contain the required norms. According to the author, the current lack of legislative regulation of the procedure for the election and implementation of the preventive measure in question does not allow us to fully talk about its actual effectiveness. The author confirms this conclusion with practical research

materials: the results of questionnaires and interviews of military investigators and military prosecutors, as well as materials of judicial and investigative practice. Entering into a polemic with process scientists, the author formulates his own vision of the legislative regulation of the procedure for the election, execution and serving of the preventive measure in question

Keywords: criminal proceedings, election of a preventive measure, implementation of a preventive measure, implementation of supervision of the command of a military unit.

На протяжении последних нескольких десятилетий российское юридическое сообщество озадачено поиском оптимальных путей обеспечения надлежащего порядка привлечения лиц к уголовной ответственности. Осложняется решение озвученной задачи необходимостью сохранения оптимального баланса между объемом ограничений, применяемых к лицу, в отношении которого ведется производство по уголовному делу, и интересами государства и общества в целом, заключающимися в обеспечении должного порядка судопроизводства. Однако тенденция уголовно-процессуальной политики последних лет сводится прежде всего к поиску адекватных альтернатив заключению под стражу¹.

Напомним, уголовно-процессуальный закон содержит в себе указание на необходимость применения особого подхода в отношении отдельных категорий лиц. В частности, речь идет о таких специфических субъектах уголовного судопроизводства, требующих к себе не только особого наказания, но и отдельной меры пресечения², как несовершеннолетние и военнослужащие. Применительно к настоящему исследованию будут затронуты особенности применения мер пресечения в отношении военнослужащих.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что наблюдение командования воинской части занимает особое место в системе мер пресечения [4; 5]. Подобного рода особенность связана, в первую очередь, с тем, что исследуемая мера пресечения избирается, как уже отмечалось, в

отношении специального круга лиц – военнослужащих или граждан, проходящих военные сборы.

Достаточно часто исследование правовой основы системы мер пресечения приводит к выводу о «скупости» законодателя применительно к изложению порядка их реализации. Однако при изложении наблюдения командования законодатель превзошел сам себя, используя конструкцию бланкетной диспозиции, отсылая правоприменителей к Уставам Вооруженных Сил Российской Федерации³.

Несмотря на длительность существования в отечественном законодательстве рассматриваемой меры пресечения (она известна отечественному уголовному процессу более полутора веков, начиная с Военно-судебного и Военно-морского судебных уставов 1864 г.), ее законодательная регламентация вызывает целый ряд вопросов как у исследователей, так и у правоприменителей. Помимо вопросов, данная мера пресечения обоснованно вызывает у правоприменителей еще и весьма существенные сомнения в эффективности ее применения. Так, анкетирование и интервьюирование субъектов избрания рассматриваемой меры пресечения обнаружило низкий уровень доверия к ее эффективности. По мнению респондентов, отсутствие законодательной регламентации порядка реализации меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части не позволяет контролировать должное поведение подозреваемого / обвиняемого.

Действительно, статья 104 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), раскрывающая содержание меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части, не детализирует порядок ее избрания, указывая лишь на тот факт, что таковая допускается лишь в отношении специального кру-

¹ В качестве результата таких изысканий следует, например, назвать появление в системе мер пресечения такой новой меры пресечения как запрет определенных действий.

² Исходя из анализа статьи 98 Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других воинских формирований и органов (утв. Приказом Генпрокуратуры России от 23 октября 2014 г. № 150), наблюдение командования воинской части не является единственной мерой пресечения, применяемой к военнослужащим. К ним также могут быть применены такие меры пресечения, как подписка о невыезде, личное поручительство и заключение под стражу.

³ Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации». – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102135480&backlink=1&nd=102118429>

га лиц – военнослужащего или гражданина, проходящего военные сборы.

В научной литературе неоднократно встречались суждения о невозможности применения наблюдения командования воинской части к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту¹ [1; 2]. Позволим себе не согласиться с высказанным мнением. Согласно разъяснению, данному в части 1 статьи 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих», к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, относятся: «а) офицеры, прапорщики и мичманы, курсанты военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования, сержанты и старшины, солдаты и матросы, проходящие военную службу по контракту; б) сержанты, старшины, солдаты и матросы, проходящие военную службу по призыву, курсанты военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования до заключения с ними контракта о прохождении военной службы».

Более того, в рамках проведения настоящего исследования и изучения материалов правоприменительной практики была обнаружена масса примеров, когда рассматриваемая мера пресечения применялась в том числе и к контрактникам.

Так, Ш., являясь военнослужащим по контракту, решил временно уклониться от прохождения военной службы с целью поправить свое материальное положение и немного отдохнуть от выполнения своих обязанностей. Во исполнение задуманного он без уважительных причин и при отсутствии тяжелых обязательств не явился к установленному регламентом времени – к 8 часам 30 минутам – в войсковую часть и убыл проводить время по своему усмотрению. Поскольку Ш. не сообщил об уважительных причинах для неявки, были организованы поиски этого военнослужащего, которые положительного результата не дали, что послужило основанием для возбуждения уголовного дела по части 3 статьи 337 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Через десять дней Ш., осознав неправомерность такого поведения, добровольно прибыл в свою воинскую часть и заявил о себе, чем прекратил нахождение вне сферы воинских правоотношений. В отноше-

нии Ш. была избрана мера пресечения в виде наблюдения командования воинской части, которая была отменена по вступлении приговора в законную силу².

Перейдем к рассмотрению порядка избрания рассматриваемой меры пресечения.

В научной литературе было высказано предложение чтобы «командир воинской части, как орган дознания, самостоятельно не только исполнял, но и избирал данную меру пресечения наряду со следователем, дознавателем, судом» [4]. Полагаем, отнесение решения вопроса об избрании меры пресечения исключительно к компетенции командира воинской части является излишним, поскольку в подобной ситуации налицо вмешательство иных лиц в деятельность лица, осуществляющего расследование. Сделанный нами вывод подтверждается и правоприменительной практикой.

Так, в отношении ефрейторов К. и Г., совершивших преступление, предусмотренное пунктом «в» части 2 статьи 335 УК РФ, меру пресечения в виде наблюдения командования воинской части избрал старший следователь-криминалист ХХХ военно-следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации, в производстве которого и находилось расследуемое уголовное дело.

В то же время, как показывает практика, несмотря на отсутствие в уголовно-процессуальном законе отдельного на то указания, нельзя полностью исключать роль командования воинской части при решении вопроса об избрании рассматриваемой меры пресечения.

Так, защитники К., проходящего военную службу по призыву, оспаривавшие в суде апелляционной инстанции постановление об избрании заключения под стражу, заявили ходатайство о применении к К. меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части. Суд, отказывая в удовлетворении поступившего ходатайства, пояснил, что избрание наблюдения командования воинской части невозможно без соответствующего мнения командования³.

Иными словами, следователям, решая вопрос об избрании меры пресечения в виде наблюдения

¹ Уголовный процесс : учебник / под ред. А. С. Кобликова. – М. : Норма-Инфра-М, 1999. – С. 193–194.

² Приговор Наро-Фоминского гарнизонного военного суда по делу № 1-95/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KFnVfif5Hc5G/>

³ Апелляционное постановление Воронежского областного суда по делу № 22К-117/2019. – URL: <https://sudact.ru>

командования воинской части, необходимо получить соответствующее согласие не только от лица, в отношении которого избирается мера пресечения, но и от командира воинской части¹. Полагая, это правило нуждается в законодательном оформлении путем включения в часть 2 статьи 104 УПК РФ.

Не ясен в полной мере и сам механизм реализации командованием воинской части в отношении лиц, отбывающих исследуемую меру пресечения, мер, позволяющих обеспечить выполнение этим лицом обязательств, требуемых законодательством, поскольку, как отмечалось, уголовно-процессуальный закон отсылает нас к уставам Вооруженных Сил Российской Федерации.

Как уже упоминалось, статья 104 УПК РФ указывает, что мера пресечения в виде наблюдения командования воинской части состоит в принятии мер, предусмотренных Уставом Вооруженных Сил Российской Федерации² (далее – Устав), однако обращение к указанному акту не позволило обнаружить хоть какое-то упоминание не только о содержании ограничительных мер, применяемых к военнослужащим и иным субъектам, на которых распространяется действие меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части, но и о самой мере пресечения³. Иными словами, УПК РФ дает неверную отсылку к нормативному акту, не являющемуся надлежащим источником правового регулирования.

Тем не менее, отдельные авторы вслед за законодателем продолжают утверждать о действительном наличии нормативных актов, выступающих правовой основой для реализации меры пре-

сечения в виде наблюдения командования. Так, Б. Т. Безлепкин, комментируя статью 104 УПК РФ, отмечает, что «действующими в Вооруженных Силах РФ инструкциями предусмотрено, что лица, в отношении которых избрана мера пресечения в виде наблюдения воинской части, не направляются на работу вне расположения воинской части в одиночном наряде, не назначаются в караул и другие ответственные наряды» [2].

Справедливости ради, следует отметить, что подобного рода неопределенность имеет длительную историю существования – ранее действовавшие версии Устава также не раскрывали порядок реализации наблюдения командования воинской части. Однако, если рассматривать законодательство в ретроспективе, можно обнаружить, что 30 лет назад у правоприменителей все же имелась база, на которую можно было «опереться». Так, Инструкция органам дознания Вооруженных сил и иных воинских формирований Российской Федерации⁴ (далее – Инструкция), действовавшая до 2002 г., как раз раскрывала суть реализации наблюдения командования⁵. А вот уже все последующие версии Инструкции напрочь забыли о необходимости регламентации порядка реализации рассматриваемой меры пресечения⁶.

Иными словами, отсутствие нормативного регулирования исполнения рассматриваемой меры пресечения не позволяет достичь провозглашенных законодателем целей избрания мер пресечения и, как следствие, целей уголовного судопроизводства. Это подтверждается также интервьюированием сотрудников военных следственных органов и органов военной прокуратуры, которое обнаружило, что командование воинских частей

¹ Например, лицо, в отношении которого избирается мера пресечения в виде наблюдения командования воинской части, дает расписку в том, что он не возражает против применения к нему данной меры пресечения. Следовательно, и командир воинской части в принципе мог бы в письменном виде давать свое согласие на реализацию меры пресечения в отношении конкретного подследственного.

² Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации». – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102135480&backlink=1&nd=102118429>

³ Словосочетания, встречающиеся в Уставе и включающие слово «наблюдение», сводятся к «диспансерному наблюдению за здоровьем», «наблюдению за соблюдением правил топки печей», «наблюдению за порядком во время купания» и т. д. Иными словами, в Уставе отсутствует законодательная регламентация исполнения рассматриваемой меры пресечения.

⁴ Приказ Министерства обороны Российской Федерации от 18 августа 1994 г. № 275 «О введении в действие Инструкции органами дознания Вооруженных Сил и иных воинских формирований Российской Федерации». – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=53992>

⁵ Например, статья 72 Инструкции устанавливала, что «военнослужащие, в отношении которых применена указанная мера пресечения, лишаются на это время права ношения оружия, постоянно пребывают под наблюдением своих начальников или суточного наряда, не направляются на работу вне части в одиночном порядке, не назначаются в караул и другие ответственные наряды».

⁶ В частности, речь идет о следующем акте: Инструкция органам дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба (утв. Генпрокуратурой РФ 5 июня 2002 г.).

позволяет лицам, находящимся под наблюдением командования, не только свободно перемещаться в пределах населенного пункта, на территории которого расположена воинская часть, но и покидать населенный пункт (например, съездить домой); при этом командование не усматривает в подобном поведении лиц никакого нарушения, ссылаясь на отсутствие в действующем законодательстве каких-либо ограничений в рамках данной меры пресечения.

Отдельного внимания заслуживает фигура лица, исполняющего данную меру пресечения. В энциклопедии Министерства обороны Российской Федерации разъясняется, что в командование воинской части включается командир, его заместители и начальник штаба¹. Логично предположить, что, исходя из названия рассматриваемой меры пресечения, исполнять ее должны именно эти лица. Однако на практике ситуация складывается несколько иначе.

После вынесения постановления об избрании меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части следователь направляет командиру воинской части, в которой проходит службу подследственный, вместе с копией постановления об избрании меры пресечения специальный документ, который называется «Разъяснение о порядке исполнения наблюдения командования воинской части». Суть разъяснения сводится к сообщению содержания норм УПК РФ, применительно к рассматриваемой мере пресечения: «в соответствии с пп. 2 и 3 ст. 102, ч. 1 ст. 104 УПК РФ наблюдение командования воинской части в качестве меры пресечения состоит в принятии к обвиняемому (подозреваемому) мер, предусмотренных уставами Вооруженных сил Российской Федерации, для того чтобы обеспечить надлежащее поведение подозреваемого «ФИО» и явку по вызовам дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, военного прокурора или суда, а также иным путем не препятствовать производству по уголовному делу. В случае совершения «ФИО» действий, для предупреждения которых была избрана данная мера пресечения, командование воинской части должно немедленно сообщить об этом в XX военный следственный отдел Следственного комитета

Российской Федерации. Об установлении наблюдения командования воинской части и применения конкретных мер для обеспечения выполнения обвиняемым (подозреваемым) обязательств, предусмотренных пп. 2 и 3 ст. 102 УПК РФ, прошу незамедлительно направить письменное уведомление по адресу: XXX (указывается адрес военного следственного отдела)».

Командир воинской части, в свою очередь, сообщает следователю, что мера пресечения исполняется данной воинской частью, однако старшим (т.е. ответственным за надлежащее исполнение меры пресечения) назначен не командир, его заместители или начальник штаба (т.е. не лица, отнесенные к командованию воинской части), а лейтенант Ч². Иными словами, название меры пресечения вовсе не отвечает ее содержанию.

В продолжение вышесказанного возникает правомерный вопрос: если подследственные, к которым применена рассматриваемая мера пресечения, нарушат условия ее отбывания (непонятно, правда, какие), кто будет нести ответственность (опять-таки непонятно, какую): лица, относящиеся к числу командования воинской части, или тот самый лейтенант, назначенный «старшим»?

Полагаем, сложившаяся практика назначения ответственным за реализацию меры пресечения лица, не относящегося к командованию воинской части, нуждается в корректировке. В этой связи следует поддержать предложение М. А. Коноваловой прописать в Уставе обязанности командиров воинских частей по надзору за подозреваемыми (обвиняемыми), в отношении которых избрана рассматриваемая мера пресечения, а также предусмотреть конкретные меры ответственности за невыполнение командирами своих должностных обязанностей по исполнению требований избранной меры пресечения [3].

Перейдем к рассмотрению вопроса об ответственности самого лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде наблюдения командования воинской части и допустившего нарушения требований ее отбывания.

Уголовно-процессуальный закон не содержит указания на последствия несоблюдения условий

¹ Министерство обороны Российской Федерации. – URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?d=6380@morfDictionary>

² По материалам уголовного дела, предусмотренного пунктом «в» части 2 статьи 335 Уголовного кодекса Российской Федерации, о преступлении, совершенном двумя ефрейторами К. и Г. в отношении своего же сослуживца ефрейтора С. (2019 г.).

наблюдения командования воинской части. Однако можно предположить, что в случае допущения подобного рода нарушений к обвиняемому военнослужащему может быть применена более строгая мера пресечения.

Так, в отношении военнослужащего Х., проходящего военную службу по призыву, в ходе досудебного производства мера пресечения в виде наблюдения командования воинской части была изменена на заключение под стражу «по причине невозможности обеспечения ее исполнения в условиях воинского коллектива», о чем, согласно Апелляционному определению Судебной коллегии по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда по делу № 22КА-153/2013, указано в соответствующем сообщении командира воинской части, в которой Х. проходил военную службу.

Приведем еще один пример. В соответствии с Постановлением об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу Наро-Фоминского гарнизонного военного суда от 21 декабря 2016 г. в отношении С., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных пунктом «а» части 2 статьи 334 и пунктом «в» части 2 статьи 335 УК РФ, была избрана мера пресечения в виде наблюдения командования воинской части. Однако следователь обратился в суд с ходатайством об изменении обвиняемому С. меры пресечения на заключение под стражу, из которого усматри-

вается, что ранее избранная мера пресечения в отношении С. была им нарушена, и командир части, осуществляющий ее исполнение, в связи с систематическими нарушениями С. воинской дисциплины и самовольным оставлением части просит ее изменить на заключение под стражу.

Иными словами, ответственность для военнослужащего (или лица, призванного на военные сборы) заключается в изменении ранее избранного и оказавшегося неэффективным наблюдения командования воинской части на более строгую меру пресечения, коей является заключение под стражу.

Таким образом, завершая исследование, следует сделать вывод, что ввиду невозможности уместить ограничения и запреты, связанные с реализацией меры пресечения, наложенной на военнослужащих, в рамки уголовно-процессуального закона необходима разработка отдельных Правил реализации меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части. Образцом для них может послужить аналогичный документ – Правила отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими, утвержденные Приказом министра обороны Российской Федерации от 20 октября 2016 г. № 680. В том виде, в каком эта мера пресечения существует на сегодняшний день, достичь целей уголовного судопроизводства должным образом невозможно.

Список литературы

1. *Алексеев А. И.* Вопросы применения наблюдения командования воинской части в отношении военнослужащих // Молодой ученый. – 2017. – № 13 (147). – С. 425–428
2. *Безлепкин Б. Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – М.: Проспект, 2023.
3. *Коновалова М. А.* Проблемы применения и исполнения меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части // Вестник Владимирского юридического института. – 2016. – № 1 (38). – С. 81–83.
4. *Сазонова И. Г.* Реализация командиром воинской части наблюдения командования воинской части: проблемные вопросы // Право в вооруженных силах. – 2017. – № 1. – С. 87–92.
5. *Халилова В. Л.* Спорные вопросы законодательного регулирования применения меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части // Бизнес. Образование. Право. – 2016. – № 1. – С. 232–237.